

Александр
Александрович
Богданов

ВСЕОБЩАЯ
ОРГАНИЗАЦИОННАЯ
НАУКА

ЧАСТЬ 2

RUGRAM

УДК 82-94
ББК 83.3(2Рос=Рус)
Б73

Богданов, А. А.

Б73 Всеобщая организационная наука. Часть 2 / А. А. Богданов. — М. : RUGRAM, 2022. — 158 с. — (Навстречу революции).

ISBN 978-5-521-78054-9

Книжная серия «Навстречу революции» — издательский проект, нацеленный на составление современного, всеобъемлющего и наиболее широкого ряда произведений классиков отечественной политической и революционной мысли. Сегодня, оглядываясь на мыслителей прошлого, мы понимаем, что множество книг, легших в основу нашего представления о современности и об общественном укладе, не утратили своей остроты, актуальности и значимости — напротив, сегодня мы можем по-новому взглянуть на труды, выковавшие наш век, и оценить их значимость и вневременность.

Многие труды, выходящие в рамках издательского проекта, долгие годы были недоступны на книжном рынке; выросли поколения, не знающие имена и труды классиков. Задача серии «Навстречу революции» — дать возможность современному читателю ознакомиться и осмыслить классиков революционной мысли, а также понять их значимость для дня сегодняшнего.

УДК 82-94
ББК 83.3(2Рос=Рус)
ВІС FС
BISAC FIC004000

ISBN 978-5-521-78054-9

© RUGRAM, оформление, 2021
© Т8 Издательские технологии, 2021

А. Богдановъ.

100
Б В м 2

7890
628.

Всеобщая организаціонная наука.

(Тектологія).

Т. II.

Механизмъ расхожденія и дезорганизаціи.

Т-во „КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО ПИСАТЕЛЕЙ
ВЪ МОСКВѢ“.

1917г

18

Отъ автора.

Первая часть этой работы вышла въ свѣтъ болѣе трехъ лѣтъ тому назадъ. Тогда я высказалъ надежду, что въ дальнѣйшихъ усиліяхъ на новомъ пути я не буду уже одинокъ. Историческая сущность поставленной задачи казалась мнѣ достаточно выясненной, а ея грандіозность—способной привлечь наиболѣе дѣятельные и мужественные умы.

Но вскорѣ разразилась міровая война. При первыхъ ударахъ гигантскаго кризиса я, разумѣется, понялъ, что осуществленіе моей надежды отложено жизнью, что всѣмъ уже не до того. И въ то же время я почувствовалъ, что на этомъ суровомъ экзаменѣ, которому стихійность исторіи подвергла всю современную культуру, черезъ рѣшающее испытаніе, среди другихъ, великихъ и малыхъ, цѣнностей, пройдетъ также идея всеобщей организаціонной науки.

Случилось ли это на самомъ дѣлѣ? И если да, то какъ она выдержала испытаніе?

Съ этимъ вопросомъ я подходилъ къ различнымъ сторонамъ войны, которыя, благодаря счастливому для меня сочетанію условій, могъ видѣть близко. Теперь подведу итоги; и пусть читатель судить.

Какія задачи ставила война передъ вовлеченными въ нее коллективами? *Задачи организаціи и дезорганизаціи въ ихъ неразрывной связи*: тѣ же задачи, какія должна изучать тектологія, и то же ихъ соотношеніе.

Въ какомъ масштабѣ ставила ихъ война? *Въ масштабѣ универсальномъ*, въ какомъ ставить ихъ изученіе тектологія.

Наилучшая координація наличныхъ силъ для наибольшаго планомѣрнаго дѣйствія: таковъ практическій вопросъ, который рѣшается въ любомъ пунктѣ и въ любой моментъ

процесса войны. Въ сущности, тотъ же вопросъ рѣшается и въ каждомъ обычномъ трудовомъ процессѣ. Но здѣсь и тамъ—есть огромная разница въ его постановкѣ.

Это, во-первыхъ, разница въ его *остротѣ*. При обычныхъ задачахъ и условіяхъ работы людей, ошибки въ его рѣшеніи, разумѣется, невыгодны; но вредъ сводится къ большей или меньшей, *ограниченной* растратѣ трудовой энергіи, лишь въ исключительныхъ случаяхъ — къ гибели отдѣльных работниковъ. На войнѣ подобныя ошибки, напротивъ, почти всегда означаютъ бесплодную гибель множества людей, и часто разрушеніе цѣлыхъ коллективовъ: непосредственное жизненное значеніе вопроса неизмѣримо возрастаетъ.

Во-вторыхъ, разница въ *обстановкѣ* рѣшенія. Въ обычномъ трудѣ она заранее извѣстна, и приблизительно устойчива; поскольку она измѣняется, эти измѣненія либо незначительны, либо легко могутъ быть напередъ учтены. Благодаря этому, вопросъ о координаціи силъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ и рѣшается по готовому, исторически сложившемуся или сознательно выработанному шаблону.

Въ процессѣ же войны обстановка *постоянно новая, непрерывно измѣняющаяся*. Въ ней вопросъ все время „актуаленъ“, его приходится все время рѣшать заново: организаціонное сознаніе не можетъ прерывать своей работы, не можетъ уступать своей роли простой привычкѣ и шаблону.

Мирный трудъ, опираясь на опытъ прошлаго, примѣняя старые приемы, и лишь медленно, постепенно ихъ измѣняя, смутно сознаетъ свою организаціонную природу, и слабо развиваетъ тектологическое мышленіе. Война суровостью своихъ требованій, жестокостью своей угрозы бытію единицъ и коллективовъ, неуклонно напоминаетъ объ организаціонной функціи, а тѣмъ самымъ неизбѣжно пробуждаетъ и толкаетъ впередъ тектологическое мышленіе.

И въ мирномъ трудѣ, правда, есть моменты, когда организаціонная задача выступаетъ съ большою остротой. Но такіе моменты весьма кратки еравнительно съ періодами привычнаго теченія работы, консервативныхъ ея формъ и условій. А еще важнѣе другое: самая постановка организаціонной задачи даже въ эти исключительные моменты чаще всего бываетъ лишь *частною*, „спеціальною“. Такъ,

если дѣло идетъ о техническомъ изобрѣтеніи, объ устройствѣ какого-нибудь новаго механизма, то вся задача лежитъ въ сферѣ „организации вещей“, не затрагивая вопросовъ организации людей или организации идей. Если же дѣло идетъ о созданіи, реформѣ какого-нибудь общества, союза, партіи, то все сводится къ организации людей, безъ прямого отношенія къ организации вещей или идей. Наконецъ, въ выработкѣ научнаго закона, объяснительной теоріи, философской системы, задача ограничена областью организации идей, не касаясь непосредственно двухъ остальныхъ. Въ этихъ рамкахъ нѣтъ достаточной почвы для развитія настоящаго, цѣльнаго тектологическаго мышленія: оно характеризуется именно тѣмъ, что обобщаетъ и объединяетъ все специализированное, беретъ для себя матеріаломъ всевозможные элементы природы и жизни, чтобы ихъ комбинировать и связывать одними и тѣми же методами, по однимъ и тѣмъ же законамъ.

Война и въ этомъ смыслѣ предъявляетъ исключительныя требованія: она ставитъ организационную задачу сразу всесторонне, „интегрально“. Элементы, которые необходимо съ наибольшей планомѣрностью комбинировать во всякомъ данномъ пунктѣ и во всякой данной фазѣ процесса борьбы, относятся ко всѣмъ областямъ бытія: это и наличныя природныя условія, и наличныя человѣческія силы, и приводимыя ими въ дѣйствіе техническія средства, и даже идеологическая связь между людьми—то, что называется „духомъ“ военныхъ коллективовъ. Тутъ вся гамма элементовъ тектологіи.

Еще важнѣе то, что эти разнороднѣйшіе элементы выступаютъ здѣсь въ одномъ полѣ организационнаго мышленія, какъ принципиально равноправные,—болѣе того, какъ *соотносительно-эквивалентные*: они могутъ замѣняться одни другими, и такая замѣна осуществляется на каждомъ шагу. Недостатокъ въ людяхъ возмѣщается то выборомъ мѣстности, болѣе благоприятной для ихъ дѣйствій, то усиленіемъ техническихъ средствъ—умноженіемъ истребительныхъ машинъ и защитныхъ приспособленій, — то идеологическимъ „поднятіемъ духа“, посредствомъ разъяснительныхъ и одушевляющихъ рѣчей, приказовъ,—то, чаще всего, комбинаціей этихъ замѣнныхъ методовъ. И то же относится къ эле-

ментамъ всякаго другого рода: пробѣлы техники пополняются затратами челоѣческаго матеріала, пониженіе духа арміи компенсируется отходомъ за естественныя преграды, и т. п.

Конечно, тѣ же соотношенія замѣны можно найти и въ мирномъ трудѣ. Примѣняя лучшія орудія или машины, можно достигнуть данныхъ результатовъ при меньшемъ числѣ работниковъ; неудобная почва требуетъ для воздѣлыванья, напротивъ, увеличенной затраты челоѣческихъ силъ; повышение культурнаго уровня работниковъ эквивалентно нѣкоторому возрастанію ихъ количества, и т. д. Но тамъ эти соотношенія вступаютъ въ поле организаціоннаго мышленія лишь спорадически, время отъ времени, и притомъ по отдѣльности, а не всѣ рядомъ; война же выдвигаетъ ихъ и непрерывно, и совмѣстно.

Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, Міровая война есть не что иное, какъ организаціонный кризисъ въ міровомъ масштабѣ, порожденный общественной стихійностью челоѣчества, анархіей взаимныхъ отношеній между государственными организаціями. И какъ всякій подобный кризисъ, она неизбежно *концентрируетъ* въ себѣ дезорганизаціонные и организаціонные процессы, тѣсно сжимаетъ и сталкиваетъ ихъ въ рамкахъ ограниченного пространства и времени; а какъ величайшій по суммѣ приведенныхъ въ движеніе силъ изъ всѣхъ подобныхъ кризисовъ, извѣстныхъ доннѣ въ исторіи челоѣчества, она это дѣлаетъ въ наибольшей степени. Отсюда и крайняя острота, и актуальность, и интегральный характеръ постановки организаціонныхъ вопросовъ.

За переживаемой катастрофой послѣдуетъ періодъ напряженнаго строительства, положительныя задачи котораго будутъ не менѣе насущными, чѣмъ отрицательныя по преимуществу задачи военнаго времени. Онѣ будутъ, притомъ, еще болѣе широки и столь же интегральны, потому что само происшедшее разрушеніе захватило области всѣхъ условій жизни, наряду съ гибелью милліоновъ людей и уничтоженіемъ несчетной массы продуктовъ труда включивъ порчу природной среды и глубокій идеологическій разгромъ. У кого есть умъ, чтобы понимать, и воля чтобы реагировать, для того не можетъ остаться сомнѣній: *необходимо* собрать и стройно

связать разрозненный организационный опыт человечества—
необходима всеобщая организационная наука.

Теперь воспользуюсь случаемъ отвѣтить моему сочувствующему критику, автору анонимной рецензіи на I часть „Тектологіи“ (въ журналѣ „Русское Богатство“, 1913 г., декабрь).

Рецензентъ согласенъ съ основною постановкою задачи, и полагаетъ, что всеобщая организационная наука должна явиться новою фазой въ развитіи *философіи*: это „философія, какъ чистое ученіе о взаимодействіи міровыхъ факторовъ“. Онъ ссылается при этомъ на замѣтку г. П. Мокіевского объ Авенариусѣ, въ которой намѣчалось именно такая постановка задачи для философіи („Русск. Богатство“, 1898, июль).

Со своей стороны, я бы высказалъ сомнѣніе, цѣлесообразно ли примѣнять къ организационной наукѣ названіе „философія“. Съ этимъ терминомъ связано много старыхъ представленій, не соответствующихъ характеру новой науки.

Такъ, философіи теоретической всегда свойственна „объяснительная“ тенденція, при томъ именно въ смыслѣ *созерцанія*: „объяснить“ міръ, „объяснить“ познаніе, чтобы было „ясно“, чтобы исчезла загадка, и потребность „понять“ была удовлетворена. Для тектологіи, если она и „объясняетъ“, какъ соединяются разнороднѣйшіе элементы въ природѣ, въ трудѣ, въ мышленіи,—то дѣло идетъ о *практическомъ овладѣніи* всевозможными способами такого комбинированія; она вся лежитъ въ практикѣ; и даже самое познаніе для нея—особый случай организационной практики, координированіе особаго типа комплексовъ.—Здѣсь коренное различіе тенденцій. А съ такъ называемой „практической философіей“ тектологія имѣетъ, пожалуй, еще меньше общаго: подъ „практической философіей“ понимаются обыкновенно принципы моральнаго руководства для людей; между тѣмъ тектологія столь же чужда всякой морали, какъ ея ближайшая родственница—математика, или какъ любая изъ естественныхъ наукъ: соотношеніе частей машины или связь химическихъ тѣлъ для нея лежатъ въ одномъ ряду изслѣдованія съ моральными и не-моральными отношеніями людей.

Далѣе, съ понятіемъ о философской теоріи не совмѣ-

щается мысль о точной опытной проверке. Как только для той или иной группы обобщений такая проверка становилась возможною, немедленно эта группа выделялась из „философии“, превращаясь в отрасль „науки“: постоянное, и весьма характерное противоположение. Тектология же прямо немыслима без постоянной проверки на опыте: куда годились бы организационные закономерности, которых нельзя применить и испытать? Попробуйте представить себе „философский эксперимент“. А для тектологии постановка плановых экспериментов — вещь совершенно необходимая в ее развитии. Более того, эти эксперименты, как мне приходилось указывать, давно уже делались и делаются. Что представляют опыты Квинке, Бючли, Ледюка, Rhumbler'a, Неггеа и др. над „искусственными клетками“, воспроизведение на неорганических смесях различных функций живой клетки? Эти опыты не относятся к биологии, потому что объекты их — не живые тела; но они не относятся также просто к химии и молекулярной физике, потому что имеют целью решение задач не химических или физических, а биологических. Это — эксперименты организационные в смысле тектологии: они выясняют общие условия строения живых и не-живых тел, выделяют архитектурные элементы жизненных функций в „мертвой“ природе. — К тектологии должен быть отнесен и старинный „космогонический“ опыт Плато, воспроизводящий кольца Сатурна в смеси жидкостей, и недавние опыты Майерса, в которых возможные равновесия электронов, образующих атом, проверяются посредством плавающих магнитов, и т. д.

Высказываясь против смешения организационной науки с философией, я имею в виду не чисто словесный спор, а серьезные интересы дела. Можно опасаться, что старый термин затемнит новые задачи и ослабит внимание к ним. Тектология не должна стать делом философов-специалистов, среди которых она вряд-ли может найти какую-нибудь почву, а делом всех широко-образованных людей научной и практической мысли.

Перехожу к существенному пункту разногласия с критиком. Он пишет:

„Основным недостатком учения г. Богданова мы счи-